

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Lilya Mikhailovna Shumskaya

Yanka Kupala State University of Grodno
Ph. D in Philology, Associate Professor

Irina Konstantinovna Komarova

Belarusian Institute of Law
Ph. D in Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of the humanities, Grodno Branch

REVOLUTION AND CULTURE IN I.A. BUNIN'S AND D.S. MEREZHKOVSKY'S "EXTRA-ARTISTIC" WORK OF THE 1920s

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of revolution on the cultural processes of society in the "extra-artistic" work of I.A. Bunin, who reacted to the situation of expulsion from the homeland by seeking spiritual support in the values of the traditional faith and D.S. Merezhkovsky, associated with the traditions of romantic theology. The degree of freedom and the dependence of the individual on the social environment is examined, the eternal values of human life, that are necessary for determining the problems of revolution and culture in publicism and writers' diaries of the 1920s, are revealed.

Key words: revolution, culture, spirituality, personality in history.

Language: Russian

Citation: Shumskaya, L. M., & Komarova, I. K. (2019). Revolution and culture in I.A. Bunin's and D.S. Merezhkovsky's "Extra-artistic" work of the 1920s. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 343-347.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-72> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.72>

Scopus ASCC: 1208.

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА ВО «ВНЕХУДОЖЕСТВЕННОМ» ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1920-Х ГОДОВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния революции на культурные процессы общества во «внехудожественном» творчестве И.А. Бунина, отреагировавшего на ситуацию изгнания с Родины поиском духовной опоры в ценностях традиционной веры, и Д.С. Мережковского, связанного с традициями романтического богоборчества. Рассматривается степень свободы и зависимости личности от социальной среды, выявляются вечные ценности человеческого бытия, необходимые для осмысления проблем революции и культуры в публицистике и дневниках писателей 1920-х годов.

Ключевые слова: революция, культура, духовность, личность в истории.

Введение

В первой четверти XX века решение проблемы соотношения личности и общества, места человека в жизни приводит к усилению в литературе философского начала. Возрождение интереса к аналитической тенденции – явление закономерное и исторически обусловленное, охватившее не только литературу, но и все виды искусства. Действительность дает богатый материал для раздумий, обобщений и анализа

событий, влияющих на судьбы общества и человека. Поэтому современность требует от писателя не только таланта, необыкновенной чувствительности, но и научного предвидения и понимания эпохи. Читатель ищет в литературе отклики на свои мысли, чувства, переживания, он стремится связать опыт личной судьбы с опытом и судьбой мира. Стремление к самопознанию своей истории вызывает повышенную ценностную нагрузку «внехудожественного»

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

творчества. Мироощущению эпохи оказываются одинаково близки стремление осмыслить Октябрьскую революцию 1917 года, ее влияние на культуру, выявить вечные ценности человеческого бытия, осознать их истинное предназначение.

В русской литературе этого времени наиболее своеобразное воплощение обозначенных проблем наблюдается во «внехудожественном» творчестве И.А. Бунина, отреагировавшего на ситуацию изгнания из России поиском духовной опоры в ценностях традиционной веры [9, 10], и Д.С. Мережковского, связанного с традициями романтического богоборчества. Решительное размежевание с политикой и культурной практикой Советской России проявилось в литературной критике и мемуарах, очерках и речах, интервью и открытых письмах, воззваниях и эссе. В обозначенный нами период – 1920-е годы – наиболее значимыми и для Бунина, и для Мережковского являются дневники и публицистика, поскольку они позволяют выразить как личное, так и социально-общественное отношение к происходящим событиям. Поэтому именно эти виды автодокументальной литературы станут предметом рассмотрения в данной статье.

Изучение публицистики и дневников Бунина 1920-х годов показывает, что их основой становится традиция ностальгического воспеания культуры «старой» России, ее величия, силы, достоинства. «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье», – пишет писатель [1, с. 15]. Чувство неутолимой тоски по культуре старой России звучит и в публицистике Мережковского. В статье «Наш путь в Россию» он утверждает: «Надо лишиться земли, чтобы полюбить ее неземною любовью. Наша неземная, бесконечная любовь к России – бесконечная сила» [6, с. 271].

К попыткам понимания проблемы революции и культуры писателей приводит осмысление мотива «потерянной» России. Для Бунина революция – противоестественный бунт, таящий в себе огромный заряд самоуничтожения, несущий в себе элемент хаоса и бесформенности, а потому несовместимый с феноменом культуры. Происходящее в Советской России он воспринимает как «русскую вакханалию» – «на почве голода и людоедства колоссальное количество острых психических недугов, совершенно еще неведомых науке» [2, с. 156]. В его понимании то, что происходит, есть постепенное, но неуклонное одичание, которому оказываются одинаково подвержены все социальные группы населения.

Культуру Бунин рассматривает как результат эволюционного развития общества. Локальная

ценностная, нормативная, символическая среда – основные культурные механизмы, обеспечивающие упорядоченность целого. На основе культуры «функционирует и развивается огромное количество надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, представленных в виде различных кодовых систем и составляющих «тело культуры». Функционирование ценностей культуры объясняет механизм превращения человеческих потребностей, интересов и целей в представления о должном поведении. Культура – это процесс обогащения личности знаниями, ценностями, идеями, чувствами, всем тем, что способствует ее очеловечиванию и уверенности в своих способностях и силе, вере в прогресс и свободу.

Деграция же культуры, отказ от гуманистических ценностей, по мнению писателя, становится основной приметой современного ему общества: «пещерный голод пожирает год за годом, людей расстреливают, как собак, десятками тысяч, сифилис моральный и физический отравляет русскую кровь на целые поколения» [2, с. 142]. Неприятие революционных преобразований происходит из стремления сохранить «генетическую память», поскольку революция, в представлении писателя, – всегда попытка разрыва наследственных культурных связей, передающихся из поколения в поколение.

В художественном сознании Мережковского формируется своего рода миф о революции: происходящее в России предстает как вселенское противостояние Христа и Антихриста, «духа» и «плоти» [4, с. 4]. Писатель обосновывает концепцию, согласно которой только религиозная революция победит «большевистскую реакцию», объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», «утвердит истинную свободу» [6, с. 28]. Этим писатель настаивает на следовании высшим ценностям. Такая ориентация возвышает человека, обогащая его духовно, увеличивая индивидуальный потенциал действия, побуждает к творческому преобразованию среды в соответствии с гуманистически выверенными идеями, что особенно важно в новом революционном мире. Результатом такой революции, по утверждению писателя, станет грядущее преображение России и Запада. Мережковский считает, что страдающая Россия поставлена самой жизнью в такие условия, выходом из которых может быть лишь духовное преображение. Поэтому Россия ближе к грядущему воскресению, чем благополучные европейские народы. Большеизм же для него – «разрушение культуры, упразднение свободы и принципа личности» [6, с. 35]. К утверждению в России «воли небытия», «воли Антихриста» привело отрицание ценностной вертикали – Личности Христа [6, с. 24].

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Немаловажное место в выявлении соотношения между революцией и культурой в публицистике и дневниках писателей занимает еще одна проблема – проблема личности в истории. Бунин свою миссию в истории видит в духовном противостоянии «власти Антихриста»: «Миссия русской эмиграции заключается... в неприятии Ленинских градов, Ленинских заповедей. Это глубоко важно и для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России» [3, с. 5]. Мережковский, размышляя о роли личности в истории, приходит к иному выводу: «Нужно повернуться лицом к Европе и миру, чтобы понять бытие России не только национальное, но и всемирное» [6, с. 248]. Немного позже, когда он начнет призывать к спасению России и всего мира, эта мысль зазвучит еще более отчетливо: «Мы сейчас отвечаем не только за Россию, но и за весь мир, нами оставленный» [6, с. 271].

Попытки постижения проблемы личности в истории определяют специфику образной системы публицистики и дневников обоих писателей. Для Бунина человек – носитель позитивного и негативного начал, красоты и безобразия. С одной стороны, неряшливость, разнузданность и грубая сила моряка («Ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей» [1, с. 22]), а с другой – скромность, деликатность, чувство собственного достоинства военного, ставшего для писателя символом бесконечно дорогого, разрушаемого ныне, с чем он чувствует свое кровное родство. Мережковский также волнует вопрос о природе человеческой исключительности, ее положительных и отрицательных составляющих. Для автора статьи «Тройная ложь» Ленин – великое ничтожество, которое считает революцию освобождением народов, «убивающим свободу только на время, пока не восторжествует коммунизм – равенство. Но ведь убитая свобода не воскреснет, пока жив убийца свободы», – завершает свою мысль автор [7, с. 2]. Пилсудский же для него избранник божий, «владеющий даром интуиции в такой степени, что сможет спасти Россию, Польшу и, может быть, даже весь мир от большевистской революционной чумы» [8, с. 2].

Осмысление представлений о революции и культуре приводит писателей к попыткам понимания мотива «переживания» времени. Бунин фиксирует переживание эпохи как поистине апокалиптический «конец времен» – экспансию времени, чужеродного прежней устойчивой культуре: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что нынче уже восемнадцатое» [1, с. 21]. Это новое время осознается писателем не только чужим, но и призрачно-нереальным: «По вечерам жутко

мистически. Еще светло, но часы показывают что-то нелепое, ночное» [1, с. 64]. Для автора это «последние времена», смерть без надежды на светлое воскресение. Об этом свидетельствует запись, сделанная в пасхальную ночь: «Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным». Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...» [1, с. 72]. В осмыслении драматических событий революции 1917 года «разрыв времен» для Бунина очевиден. Прошлое стало призрачно далеким, а связь с ним – временем Пушкина, Карамзина – утрачена. Источается нить истории, мир культуры распался, вместо него – «бродячая кибитка» и кочевничество: «Время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [1, с. 149].

Эсхатологический миф, сводящий начало истории с ее концом, оказывается значимым и для Мережковского. Но писатель интерпретирует этот миф как начало новой эпохи – духовного обновления, творческого преображения мира. Мережковский убежден, что «революция духа» будет эсхатологической и ознаменует конец исторического течения жизни, поворот к «новому небу» и «новой земле». К такому выводу он приходит еще в дореволюционный период, когда политическая и социальная революция рассматриваются лишь как предвестие последней, завершающей революции – религиозной [5].

Постоянными составляющими художественного сознания Бунина и Мережковского, определяющими отношение к революции и культуре, являются мотивы «утраченного рая» и «ада». Для Бунина Россия – страна, способная оставаться верной своему высшему Божественному предназначению. Такая позиция приводит его к закономерному стремлению утвердить значимость вековых традиций, питающих русскую духовность: «Я смотрел на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор – до чего все родное, кровное, и только теперь как следует прочувствованное, понятое!» [1, с. 34]. Но в художественном сознании Бунина возникает и другой образ Родины – опустошенной, расстрелянной, преданной: «Я плакал на страстной неделе... среди темной Москвы, с ее наглухо запертым Кремлем, по темным старым церквям, скудно озаренным красными огоньками свечей и плакавшим под горькое пение» [1, с. 127]. Ответом на болезненное разрушение национальных ценностей, на протяжении столетий казавшихся незыблемыми, становится заявление писателя: «В этом их мире поголовного хама и зверя мне ничего не нужно» [1, с. 57]. Он

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

вынужден признать, что прежний привычный мир безвозвратно уходит, черты его блекнут в хаосе всеобщего ожесточения. А новый, едва зарождающийся мир ему чужд. Происходящее в России Бунин объясняет установлением власти большевиков, поражающих своей жестокостью: Пойманных с поличным воров тут же приговорили к смертной казни: «разбили голову безменом, пропороли вилами бок и... выбросили на проезжую часть» [1, с. 94]. Вину за сложившуюся на Родине ситуацию писатель возлагает и на русский народ. Свою позицию по этому вопросу Бунин объясняет «двойной» природой русского национального характера – европейской и азиатской: «В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева, – и дубина, и икона, – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает, Сергей Радонежский или Пугачев...» [1, с. 12].

С мотивом «ада» соотносится образ Советской России и в публицистике Мережковского: «давно все фабрики стали; лавки закрыты; прохожих мало; езды почти никакой. Посредине улицы – лошадиная падаль с обнаженными ребрами; собаки рвут клочья кровавого мяса» [4, с. 3]. Представители новой власти в его восприятии – «сыны дьявола, лжцы: провозглашенные ими «мир, хлеб, свобода» на деле «война, голод, рабство» [4, с. 4]. Виновниками воцарившегося в России ада Мережковский считает не только большевиков, но и весь русский народ, с легкостью предавший «свою тысячелетнюю святыню – христианство», укорененные в духовной культуре религиозные ценности. Именно потребность русского народа в страдании, по мнению Мережковского, привела к зарождению большевизма. Если в каждом человеке два полюса, жертвенный и героический, то в русском только один из двух полюсов – религиозная жертвенность. Русский народ с византийским христианством принял самодержавие – начало римской мужественности. Но как оно преломляется в жертвенной русской душе? Писатель утверждает, что вся русская мужественность была сосредоточена в царе. Тогда народ поклонялся царю как Богу, сегодня, по мнению Мережковского, интеллигенция поклонилась народу, как Богу. Но когда народ стал богом, отнялось у него сердце человеческое. А народ-зверь страшнее царя-зверя. Русская революция, считает Мережковский, скинула самодержавие, но не разрушила его, потому что сила угнетения и тяжесть рабства не уменьшились. Антихристианское начало, воцарившееся в России после революции, способствует искажению принципа свободы и «абсолютной меры человеческой личности – Христа» [7].

Проблема соотношения революции и культуры связывается писателями с мотивом Пути. Бунин видит форму государственного правления России либо «как военную диктатуру, либо как «совет десяти» из железных дельцов, бывших «спецов», либо как монархию...» [2, с. 28]. Победу большевистской власти писатель считает смертью великой державы, преодолеть которую может лишь человеческая память. Он осознает свою ненужность в новом, чуждом ему мире «поголовного хамства и зверья», живет иллюзией «старой» России и надеется на человеческое благоразумие: «говорить, что к прошлому возврата нет, могут только люди или глупые, или не знающие истории России» [2, с. 73].

Мережковский исторический путь Родины представляет в виде следующей теории: первая Россия – царская, рабская, вторая – большевистская, хамская, третья – свободная, народная, религиозная» [6, с. 146]. Более того, серьезные политические, социальные и религиозные изменения, по его мнению, переживет не только Россия, но и Европа. Религия, которая объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», утвердит истинную «любовь и свободу с абсолютной личностью – Христом» [6, с. 132].

Таким образом, решение проблемы жизнестойкости общества, наращивания им цивилизационного ресурса и его динамической эволюции в эпоху жесточайших революционных перемен XX века Бунин связывает с сохранением генетической памяти, обеспечивающей саморазвитие личности и открывающей внутренние источники развития духовной культуры, а Мережковский – с нравственным возрождением, движением и переходом в царство «Третьего Завета», Любви и Свободы. Но для обоих писателей своеобразной семантической основой восприятия революционного мира служат ценности бережного отношения к «потерянной России», хранящей духовность, наделенной незыблемым авторитетом православия и высоким национальным достоинством. Духовность сближает людей, выступает своеобразными скрепами человеческого общежития, на основе которых становится возможным взаимопонимание. Поэтому ее развитие связывается с воспитанием чувства долга, ответственности перед другим людьми и природой за свои действия, милосердия, любви к ближнему, сострадания, жалости, терпимости, искренности, воспитания не только чувства собственного достоинства, чести, но и стыда, вины, раскаяния. Эти социально нравственные чувства входят в состав духовной основы человеческого общежития.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Bunin, I.A. (1991). *Okaiannye dni. Dnevnik. Rasskazy.* (p. 335). Moscow: Molodaia gvardiia.
2. Bunin, I.A. (2001). *Noch' otrecheniia. Stikhi, rasskazy, publitsistika (1920-1923).* (p. 448). Moscow: Lakom-Kniga,
3. Bunin, I.A. (2006). *Missiia russkoi emigratsii. Poln. sobr. soch. V 13 t. T. 8.* (p. 448). Moscow: Voskresen'e.
4. Merezhkovskii, D.S. (1920). *Predchuvstviia. Svoboda.* № 4, 1-4.
5. Merezhkovskii, D.S. (1991). *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniia raznykh let.* (p.489). Moscow: Sov. pisatel'.
6. Merezhkovskii, D.S. (2001). *Tsarstvo Antikhrista: Stat'i perioda emigratsii.* (p.656). SPb.: RKhGI.
7. Merezhkovskii, D.S. (1920). *Troinaia lozh'. Svoboda.* № 6. 1-4.
8. Merezhkovskii, D.S. *Iosif Pilsudskii. Svoboda.* № 1. 1-4.
9. Mochalova, N.V. (2001). *Problema revoliutsii i kul'tury v publitsistike I.A. Bunina 1918 – 1953 gg.: avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk: 10.01.01. Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova.* (p.46). Moscow.
10. Skorobotova, O.V. (2006). *Zhanrovo-tematicheskoe mnogoobrazie «vnekhudozhestvennogo» tvorchestva I.A. Bunina 1917 – 1923 gg.: avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk: 10.01.01. Elets. gos. un-t im. I. A. Bunina.* (p.29). Elets.